

Эдуард Русаков

Родился (1942) в Красноярске. Окончил Красноярский медицинский институт и Литературный институт им. М. Горького. Работал врачом-психиатром, сотрудником красноярских газет.

Зам. главного редактора альмаха «Дни и ночи». Автор книг рассказов и повестей, вышедших в Красноярске и Москве: «Конец сезона», «Белый медведь», «Театральный бинокль», «Остров Надежды», «Стеклянные ступени» и др. Произведения писателя переведены на французский, немецкий, финский, японский, словенский и др. языки

рассказ

В конце августа на очередном заседании литературного объединения «Жарок» при районной газете «Путь вперёд» произошёл вот такой любопытный случай.

Собрались, как обычно, в среду вечером, в редакторском кабинете. Распахнули оба окна, и всё равно было жарко. С улицы слышались невнятные голоса, чей-то смех, детские крики, а издали, с полей, доносился глухой гул комбайнов.

Руководитель объединения, сотрудник газеты Юрий Черепанов, был бледен и раздражён, его гуцульские усы устало свисали, он нервно постукивал карандашом по грязному стакану и неприязненно глядел на собравшихся. Черепанов вот уже два года, после окончания филфака, работал в районной газете литконсультантом и отвечал на письма читателей, а «Жарок» на него взвалили как дополнительную общественную нагрузку. Он не любил эту работу, считал себя неудачником, а членов литобъединения – графоманами.

Было жарко и душно. Мечталось о квасе, о тенистой прохладе, о занимательной книжке... А ещё бы лучше – плюнуть на всё и уехать в родимый город, к маме, к друзьям.

Он поднял тоскливый взгляд.

Бритоголовый директор восьмилетней школы долго и с выражением читал свой роман в стихах, в котором описывалась судьба родного села на протяжении полувека. Черепанов кусал усы и смотрел на череп поэта, мысленно рисуя на сизом директорском лбу чёткую мишень.

Когда роман в стихах был дочитан до последней точки, началось вялое об-

суждение. Каждый высказался кратко и невразумительно, и только машинистка Люся произнесла длинный критический монолог, то и дело поглядывая на Черепанова. Все знали, что Люся влюблена в руководителя, и всем было ясно, что только поэтому она сейчас так старалась.

– Это абсолютная демагогия! – выкрикнул директор школы. – Не критика, понимаешь, а критиканство!

– Товарищи, спокойно, спокойно, – сказал Черепанов.

– А чего она, понимаешь? Чужое всегда ругать легко, – ворчал директор, задыхаясь от злости.

– Пусть она своё, своё почитает, – подмигивая, внёс предложение тракторист Коля, краснощёкий крепыш.

– Я работаю совсем в другом жанре, – сказала Люся, дёрнув плечиком.

– Она басни пишет, я в курсе, – заметил агроном Каретов, нахальный красавец и фат.

– Басни? Интересно, – с тоской произнёс Черепанов. – Прочти нам, пожалуйста, Люся, хоть одну свою басенку.

И Люся охотно прочла басню про клопа и таракана, из которой следовало, что таракан намного лучше клопа.

– Ну ты даёшь! – восхитился тракторист Коля. – Прямо дедушка Крылов. Нет – бабушка Крылова. Слышь, Люська? Ты у нас бабушка Крылова, вот ты кто.

– Товарищи, будьте серьезнее. – И Черепанов постучал карандашом по стакану. – У кого какие будут мнения?

– Замечательная басня, – сказал агроном Каретов, который накануне пытался к Люсе подъехать, но она его отшила. – Я бы за эту басню сразу отвалил гонорар, рублей пятьсот.

– Иди ты, – фыркнул Коля.

– Абсолютно глупейшая басня, – брезгливо поморщился директор школы. – Какая-то даже бессмысленная и в некотором смысле даже идиотская побасёнка, а вовсе не басня. Это, понимаешь, не литература. Это профанация древнего жанра.

– Сами вы профанатор! – возмути-

лась Люся. – Думаете – сочинили роман в стихах, и уже – Пушкин? Развели бодягу, напустили тумана. А краткость, между прочим, сестра таланта.

– Абсолютный абсурд, – возразил директор школы. – Вы только послушайте, что она говорит. Она говорит, понимаешь, какие-то нелепые и где-то как-то даже патологические вещи...

– Да кончайте вы, в самом деле, – оборвал их тракторист Коля. – Предлагаю этим двоим заткнуться, а остальные члены, чтоб продолжали читку произведений.

– Да, конечно, – кивнул Черепанов, окинул присутствующих мутным взглядом, едва сдержал зевету и с приторной жизнерадостностью произнёс: – Давненько не слышали мы товарища Каретова. Есть у вас что-нибудь новенькое?

– У меня есть рассказ, – гордо сказал агроном Каретов. – Называется «В гостях».

– Просим, просим! – захлопал в ладоши Коля-тракторист.

Черепанов посмотрел на часы.

– Рассказ небольшой, – успокоил его Каретов. – Краткость – моя сестра. И я постараюсь не очень утомить почтенную публику.

И он начал читать рассказ, который был написан примерно вот так:

«Молодой агроном двадцати семи лет после трудового дня, часов в восемь вечера с половиной, зашёл в гости к одной своей хорошей знакомой, но лучше бы он туда не заходил, а впрочем об этом после. Хозяйка была приятно удивлена при виде незваного гостя, и миловидное её лицо покрылось бледным стыдливым румянцем – признаком душевной чистоты и девственной незамутнённости женских чувств. А мужа дома не было, но впрочем об этом после.

– Добрый вечер, – сказал предварительно постучавшись наш агроном.

– Добрый вечер, – ответила и открыла дверь зарумянившаяся хорошая хозяйка.

Они вдвоём зашли в избу и сели на

старинные венские стулья за круглый стол, а потом она включила телевизор и предложила ему угостить ей его чаем с домашним разным вареньем, чтобы он чувствовал себя совсем как будто бы дома и ничего не боялся. При этом хозяйка осмелилась сделать смелый намёк, что мужа нет дома и муж вернётся через два или даже четыре часа.

Гордый и застенчивый агроном не смел признаваться хозяйке в своих любовных чувствах и таил до сих пор в душе надежду, что она сама угадает его душевный порыв.

Давно всем известно, что в женском сердце очень много интуиции и смекалки. Хозяйка встала, чтобы выйти в сени и принести совсем немножко бражки, которую он у неё скромно попросил. И когда она вставала и шла в сени, то случайно коснулась своим горячим телом горячего тела агронома.

А потом они долго выпивали вкусный сибирский напиток и беседовали о литературе, искусстве, кино и о космосе, например, а потом неожиданно вдруг хозяйка сказала смущённо ему:

– Ой, мои ноги от бражки совсем не идут!

– Как же они могут ваши ноги куда-то идти, если вы сидите неподвижно за столом? – удивился и возразил наш агроном и предложил ей такой эксперимент: – Вы попробуйте встать и тогда мы с вами проверим и убедимся, как ходят или совсем не ходят ваши стройные ноженьки.

Она его послушалась и послушно встала из-за стола и хотела куда-нибудь пойти, но её ноги в действительности не могли идти и она зашаталась, как дерево после грозы, и обязательно хотела упасть, если бы находчивый влюблённый в неё агроном не подхватил и не поддержал её трепетное молодое женское тело.

– Мне так стыдно, – сказала она ему, стесняясь, и миловидное русское лицо её опять покраснело, как утренняя заря на небосклоне, но агроном с жаром её успокоил и сказал:

– Вам нечего совсем стыдиться. Мы

не должны оба скрывать свои чувства, потому что я вас очень люблю и давно уже хотел об этом рассказать, да всё как-то стеснялся, потому что было неудобно из-за вашего мужа.

Её стройные ноги совсем зашатались и агроном посадил её на кровать. Она была почти без сознания от волнения и стыда, однако агроном расстегнул ейную кофточку на вздымающейся роскошной груди, чтобы женщине было легче дышать и придти в себя от волнения.

Наш агроном был влюблён и очарован красотой её всего женского тела и не мог оторвать воспалённого взгляда от чудесной трогательной родинки которая таилась где-то в районе чудесной левой белой груди и напоминала ему озорную мушку залетевшую случайно откуда-то издалека и заблудившуюся словно шальная пчёлка среди...»

– Ах ты, гадёныш, – тихо и гневно перебил рассказчика тракторист Коля. – Ты про кого это всё сочинил, а?!

– Чего? – смутился Каретов. – Пожалуйста, не перебивайте...

– Нет, уж я перебую! – крикнул Коля, вскакивая и круто засучивая рукава ковбойки. – Я тебя, сучий потрох, перебую... Готовься к смерти, Мамин-Сибиряк!..

Каретов побледнел, его красивое лицо стало некрасивым, и он со страхом оглядел присутствующих, как бы умоляя о защите.

Никто ничего не понимал.

– Всё ясно, – сказал Коля, дрожа от негодования. – Значитца, так. С Каткой разговор будет особый... а с тобой я прямо сейчас... прямо тут... не отходя от кассы...

– Что такое, что такое? – закричал Каретов. – Товарищи, товарищи! Он с ума сошёл! Остановите его! Он меня убьёт!

И агроном бросился к двери, но тракторист в два прыжка настиг его и сбил с ног. Агроном завизжал, как заяц.

Черепанов смотрел на них, приоткрыв рот от изумления.

– Коля, прекрати хулиганство! –

Рис. Искандера Галлямова

крикнул директор школы. – Распоясался, понимаешь, окончательно!

– Дай ему, Колька, дай под дых! – подзуживала машинистка Люся.

Черепанов наконец очнулся, вскочил, оттащил Колю от поверженного агронома и прижал его к столу. А Каретов быстро отполз к окну.

– Я буду кричать! Я народ позову... милицию! – срывающимся голосом выкрикивал Каретов. – Что за жизнь пошла – ни за что на тебя кидаются сумасшедшие трактористы! Только подойди – я в окошко прыгну!

– Прыгай, гад! Прыгай! – взревел Коля, вырываясь из объятий Черепанова. – Прыгай сам, или я тебя выкину!

– Выкинь его, Коля, в окошко, – хихикнула Люся. – Чтоб не бегал за чужими бабами по всему району... петух! Выкинь его, пожалуйста! Пусть он себе хребет сломает!

– Люся, замолчи! – прикрикнул на неё Черепанов. – А ты, Николай, успокойся и объясни – в чём дело?

– Пусть он сам объяснит, – буркнул Коля. – Он ведь писатель, сочинитель... пусть он и объясняет.

– Ничего не знаю! – воскликнул Каретов, прижимая к груди дрожащие руки. – Товарищи! Клянусь, я ни в чём не виноват! Ей-богу, он просто сошёл с ума!

– У-у-у, гад! – застонал от ярости Коля. – Дайте же мне его, пустите меня к нему! Я его убью, задушу, зарежу!

– Николай, сейчас же успокойся, – строго сказал Черепанов. – Пока я здесь, я не допущу суда Линча. Успокойся и всё объясни по порядку.

– Да если б он хоть молчал... да если бы хоть помалкивал... – простонал Коля. – Ну, путается с моей Катькой, и молчал бы в тряпочку... Так нет же! Ему ещё надо об этом рассказ сочинить, вот ведь гад какой! Ну, ладно, сочинил ты рассказ, ладно, если уж из тебя талант прёт наружу, сочиняй, сука, ладно... но и этого ему мало, фашисту! Ему надо, чтобы я, законный муж, этот рассказ обязательно слушал!.. Вот садист!.. Ну, за что он меня так? – И Коля схватил Че-

репанова за плечи и затряс, и заплакал: – Юра, Юрочка, товарищ Черепанов... ну зачем он надо мной издевался? Ну, пусти меня, отпусти, разреши – я ему башку оторву!

– Неправда! Ложь! Клевета! – возопил Каретов, потом посмотрел на присутствующих, понял, что ему не верят, и тоже захныкал: – Можешь меня убить, Коля, можешь, что хочешь, но не знаю я никакой Катьку... Очень обидно терпеть такие обиды, Коля!.. Не путался я с твоей женой, честное слово. А в рассказе этом я всё придумал, ей-богу!

– И родинку под левой титькой – тоже придумал? – с горьким сарказмом спросил Коля.

– Конечно, придумал! Гадом буду! У меня, Коля, на этот счёт фантазия очень богатая. У меня всяких таких рассказов очень даже много, но я их стесняюсь показывать посторонним, потому как все эти рассказы очень уж откровенные в смысле любовного содержания...

– Врёшь! Такое придумать никак нельзя! У моей Катьки как раз на этом самом месте – родинка... Ага!

– Ну, разве я виноват, что случилось такое роковое совпадение? – ныл Каретов. – И что ты ко мне пристал со своей Катькой? Я твою Катьку даже совсем не знаю... Вот спроси – какие у неё глаза? Спроси, спроси – а я вовсе и не знаю. Вот видишь!

– Коровьи у неё глаза, – вздохнул Колька и махнул рукой.

– Товарищи, товарищи! – замахал руками Черепанов. – Лично я уверен, что произошло недоразумение, и Коля оказался жертвой иллюзии, которая была вызвана искусством прозы. Каретов ни в чём не виноват. Коля, я требую, чтобы ты извинился перед Каретовым!

– Ну уж херушки, – сказал Коля. – Это мы погодим. Я сперва с Катькой ещё разберусь, а потом уж и решим – кто перед кем должен извиняться...

– Какой же ты, Коля, абсолютно устаревший отрицательный тип, – возмутился директор школы. – Мне даже где-то как-то стыдно за тебя. Ведь ты,

понимаешь, учился в нашей школе. Откуда же в тебе такие предрассудки и эта мелкобуржуазная ревность?

– Ладно, ладно, – отмахнулся Коля. – Вы не очень-то тут, с разными словами.

Но драться ему уже не хотелось – перегорел.

Постепенно все успокоились.

Скинулись – и агроном сбежал в магазин, притащил три бутылки плодового. У Черепанова в письменном столе нашёлся вчерашний недоеденный батон. У Коли завалялась в кармане хорошая луковица. У Люси в сумочке обнаружилось несколько конфет «Кис-кис». Стали выпивать, закусывать и мириться.

Сидели в сумерках, свет не зажигали. Не шумели, не пели. Тихо выпивали, беседовали.

– Ты, Колян, зря всё это наговорил, – бормотал агроном, обнимая ревнивца. – Знаешь, в чём твоя коренная ошибка? Ты, Николаша, не понимаешь разницу между натуралистическим копированием действительности и творческой фантазией писателя...

– Ладно, ладно, – говорил Коля, кривясь, – не учи, не дурнее тебя...

Директор школы отказался пить «эту гадость» и ушёл.

Черепанов немножко выпил и загрустил. Ему вдруг снова захотелось уехать отсюда – в город, к друзьям, к

старой ласковой маме. И сейчас он с особенно острой тоской подумал о том, что за все два года, проведённых в деревне, не написал ни одного рассказа. А ведь тогда, в первые дни, сам себе клятвенно обещал – ни дня без строчки! Вынашивал замыслы – повесть, даже роман... Где она, твоя повесть? Где он, твой роман? Где твои замечательные рассказы? Где ты сам, Черепанов? Ведь не здесь ты, не здесь... И не там, откуда уехал... Где же витает душа твоя неприкаянная?

Машинистка Люся выпила полтора стакана – и шибко запьянела. Она смеялась и поддразнивала Каретова, изображая, как тот убегает от Коли. Каретов сердился и фыркал, а Коля лениво его успокаивал:

– Да ладно тебе... забудь... плюнь...

Люся выпила ещё немного – и совсем осмелела. Она подошла к Черепанову, села с ним рядом и спросила:

– Товарищ Черепанов, вот я давно хочу спросить – почему вы меня избегаете? Почему вы меня совсем не замечаете?

– Чепуха, – огрызнулся Черепанов, нервно кусая гуцульский свисающий ус.

– А знаете ли вы, товарищ Черепанов, что у меня тоже есть родинка в одном укромном месте?.. И знаете – где?

– Догадываюсь, – сказал Черепанов.

г. Красноярск